

К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ В РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ И НАУКИ

Н.В. МОТРОШИЛОВА

В 2012 г. была опубликована моя монография «Отечественная философия 50 – 80-х годов XX века и западная мысль»¹. Некоторые подготовленные мною материалы не вошли в книгу или были включены в нее в сокращенном виде. Здесь я публикую небольшой текст, который не был включен в книгу, но который можно считать дополнением к разделам по социологии науки², конкретизирующим вклад отечественных авторов в информирование российских читателей о развитии этой дисциплины на Западе, а также характер их самостоятельных разработок ряда важных аспектов социологии науки.

Прежде всего, хочу остановиться на некоторых отечественных коллективных трудах, посвященных исследуемым темам и появившихся в нашей стране в 70 – 80-х гг.

Книга «**Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы**»³. Я была ее ответственным редактором. Идеи, представленные в книге, находили развитие в отечественной мысли уже в конце 60-х – начале 70-х гг. В книге представлены материалы симпозиума, состоявшегося в Институте философии АН СССР в 1973 г. В его работе принимали участие не только те философы, которые стали позднее авторами книги. Так, в дискуссиях и обсуждении принимал участие М. Мамардашвили; одно из заседаний прошло под председательством Э. Соловьева.

Книга отчасти была данью времени в том смысле, что носила ясно выраженный марксистский характер. Кроме философов из СССР, ее авторами стали зарубежные марксисты А. Козинг, Э. Хаан – из ГДР, И. Зелены – из Чехословакии. Если оставить в стороне неизбежный в ту пору «идеологический орнамент», то содержательный теоретический смысл все же был и состоял он, прежде всего, *в обстоятельной и неконъюнктурной проработке несомненного и сегодня вклада Маркса в создание глубокой, многосторонней концепции социальной природы познания* вообще, а также научного познания и знания в частности (прежде всего, в статьях ростовских авторов Г.В. Старк, И.В. Ватина, Ю.Р. Тищенко, Е.Я. Режабека). В тот же период подобное осмысление было популярным и в западной литературе.

Определенным знамением этого времени было пристальное внимание отечественных исследователей к историко-философскому материалу – с целью обстоятельно и доказательно раскрыть, во-первых, объективную социально-историческую обусловленность

философского познания и философских идей, а во-вторых, изучить саморефлексию философии, так или иначе исследовавшей связь познания и общества в целом, философского познания и социально-исторического развития. В моей творческой жизни эта тематика была профилирующей – начиная от ранней книги «Познание и общество. Из истории философии XVII – XVIII веков» (1969), включая статьи, коллективные труды 70-х годов, книги «Социально-исторические корни немецкой классической философии» (1990), «Рождение и развитие философских идей» (1991), очерк о социально-исторических корнях древнегреческой философии в книге «Работы разных лет» (2005) и другие работы. Хорошо помню, как важны были для разработки этой проблематики постоянные контакты с ростовскими философами (кроме упомянутых выше это были А.Н. Ерыгин, Т.П. Матяш, и, конечно, М.К. Петров).

Хотелось бы добавить, что вышеобозначенное направление в истории философии, так ярко проявившее себя в отечественной философии конца 60-х и 70-х гг., было гораздо менее развито в западной философии *того же времени* (о классических исследованиях М. Шелера или К. Маннхейма здесь речь не идет). Читающие по-русски западные философы (например, известный немецкий философ В. Хесле, теперь живущий в США, или нидерландский исследователь Ван дер Цверде) отмечали, что в систематических исследованиях социальных предпосылок, истоков философии, взятой в ее истории, российские философы имели немалые преимущества перед западной мыслью. Например, фундаментальный, создававшийся четверть века труд Р. Коллинза⁴ вышел существенно позже.

С сожалением приходится констатировать, что это направление почти не нашло дальнейшего продолжения в отечественной историко-философской традиции. И раз уж философская классика России в этой фундаментальной, более 1200 страниц, книге по существу обделена вниманием (в чем признается сам автор, см. с. 60), то совсем «естественным» для западных работ является отсутствие каких-либо упоминаний и ссылок на предшествующие по времени исследования современных российских авторов.

Разбираемая здесь книга (как и другие публикации этих десятилетий) свидетельствует об активном освоении западной литературы, тематически примыкавшей к нашим исследованиям. Прежде всего, речь в книге шла о западной социологии познания и науки (не только в специальных статьях Л.Е. Хоруца из Липецка, Л.Н. Москвичева, но и в разделах других авторов). В библиографии, указанной в этой книге, западная литература по социологии познания представлена с завидной даже для сегодняшнего дня основательностью: среди работ этого цикла, появившихся на Западе к середине 70-х гг., вряд ли было упущено что-то существенное. И ведь эти произведения, как

показывает рассматриваемая книга, были не просто перечислены, а действительно освоены, приняты во внимание в их позитивном проблемном значении. Специальная проблема, которая нас далее будет интересовать, — вопрос о том, когда именно, в каком объеме, с какими глубиной и самостоятельностью наши исследователи начали работу над освоением западной социологии науки.

С самого начала следует заметить, что у нас этим занимались по преимуществу философы, которым как раз в процессе такого рода освоения предстояло, так или иначе, овладеть социологической квалификацией — разумеется, в специфической форме, заданной социологией науки. В этом была дополнительная трудность для философов по образованию и по характеру исследовательских интересов, тем более получавших свое образование в советских условиях, для тогдашних поколений предполагавших весьма скудные возможности получения информации о западной философии и социологии. И вряд ли кто-либо из отечественных авторов, впоследствии писавших о социологии науки, имел шанс узнать о ней в свои студенческие годы. А потому нет ничего удивительного в следующем факте: содержательные отечественные публикации о социологии науки появились уже после того, как на Западе она оставила позади почти тридцатилетний период своего формирования, интенсивного развития, самокоррекции. В литературе принято возводить начальный период развития социологии науки, в ее «классическом», т.е. мертоновском варианте, к 30 — 40-м гг. XX в., ее интенсивное развитие «вширь» — к 50 — 60-м гг., а период самокоррекции, уточнения — к 70-м гг. Первые серьезные отечественные исследования, относившиеся к концу 60-х и к 70-м гг., совпадают, стало быть, с тем периодом, когда — опять же, согласно оценкам, превалирующим в специальной литературе, — идеи Мертона и его школы, с одной стороны, были широко распространены, буквально господствовали в социологии науки, но когда, с другой стороны, они якобы стали постепенно утрачивать свое влияние. У меня несколько иной взгляд на эти процессы. В связи с данной темой хочу обсудить вот какой вопрос: можно ли считать «разрыв» в 30 лет между первыми работами Мертона и первыми серьезными отечественными исследованиями западной социологии науки *значительным* запаздыванием? Этот вопрос в какой-то степени схож с темой, которая (в моей книге. — *Н. М.*) обсуждалась ранее — о временном промежутке между первыми работами Т. Куна, его «Структурой научных революций» и освоением в нашей философии науки идей Куна, его последователей и критиков).

Ибо и на Западе более «массовое» освоение соответствующих парадигмально-новаторских сочинений философии и социологии науки тоже хронологически не совпадало с их первыми предъявлениями публике. Что объяснялось, прежде всего, Второй мировой войной,

а также сложностями осуществления научной работы и публикаций в раннее послевоенное время. Да ведь и сам Мертон, лишь в 1942 г. полностью сформулировав знаменитую впоследствии идею о четырех императивах науки (по первым буквам — Communism, Universalism, Disinterestedness, Organised Scepticism — названной CUDOS), только в 50 — 60-х гг. превратил — с помощью учеников и соратников — эту идею в более или менее систематическую концепцию, на основе которой развернулись исследования различной степени глубины. Итак, если учитывать не моменты *рождения* идеи, а период появления и предъявления достаточно зрелой теоретико-методологической концепции социологии науки, если провести сравнение с освоением последней за пределами США, то отечественную рецепцию 70-х гг. придется признать не слишком запоздалой. С учетом же всех идеологических препятствий и трудностей приходится удивляться скорее не *некоторому* запаздыванию, а тому, что *в нашей стране уже к середине 70-х и в 80-х гг. имело место достаточно широкое, объемное, проблемно-содержательное и самостоятельное, критическое освоение западной социологии науки*. Более того: если сравнивать эту информационную и теоретическую насыщенность с соответствующими работами последних лет (когда, по идее, могли бы и должны были бы появиться более глубокие, более свободные и самостоятельные проработки), то приходится констатировать *преимущество соответствующих исследований советского времени*. Далее я остановлюсь на трех главных исторических документах, которые позволят, как я надеюсь, подтвердить вышеприведенные оценки.

Отдельного упоминания заслуживает вышедшая в 1988 г. книга «**Современная западная социология науки. Критический анализ**», в которой были подведены итоги к тому времени уже довольно солидного исследовательского опыта в данной области.

Наиболее ранние по времени отечественные исследования по социологии науки, приобретшие достаточно развитую теоретико-методологическую форму, относятся ко второй половине 60-х гг. На их возникновение наибольшее влияние оказали процессы и потребности научно-технической революции, а также те традиции учения Маркса, о которых ранее (в моей книге. — *Н. М.*) уже шла речь, и которые были воплощены в его пророческом учении о превращении науки в непосредственную производительную силу. В более ранних произведениях отечественных авторов, посвященных проблемам науки, достижения западной социологии науки не играли заметной, и, тем более, ведущей роли. Правда, они все же были учтены — главным образом в виде отдельных сочинений, которые к тому времени были переведены на русский язык⁵. В более полном виде западная социология науки попала в поле исследовательской деятельности наших авторов в тот очень важный период, когда через все препоны — идео-

логические, дисциплинарные, организационные – начала пролагать себе дорогу социология как таковая – когда некоторые исследователи, ранее трудившиеся главным образом в философии, начали знакомить отечественную публику с опытом западной социологии. Интересно, что первые российские работы именно по социологии науки возникали скорее на пути *самостоятельного поиска*, чем при следовании западным образцам. На начальной стадии, пожалуй, большее влияние на возникновение социологии науки, наряду и с сочинениями Маркса, у нас имели: «наука о науке» – в особенности в ее марксистских образцах (Дж. Бернал, С. Гессен, Дж. Ниддам и др.); работы историков науки (Т. Кун, А. Койре и др.); науковедение, наукометрия (Д. Прайс, П. Оже).

С опорой в основном на эти традиции построил свою работу Г.Н. Волков⁶, который также написал статью «Социология науки» в V томе «Философской энциклопедии». Немалую роль в становлении отечественной социологии науки сыграли также В.Ж. Келле, С.Р. Микулинский⁷.

Более широкое вовлечение западной социологии науки в орбиту исследовательского интереса философов и социологов нашей страны произошло – в виде некоторого прорыва – ко второй половине 70-х гг.. Об исследованиях М.К. Петрова – и наиболее ранних, и исключительных по своей оригинальности, и трагических по своей судьбе – в книге говорится особо (см.: Современная западная социология науки. С. 213 – 218). И хотя ставшие только теперь известными публике книги М.К. Петрова, посвященные науке о науке и социологии науки, тогда не публиковались, коллеги, жившие и работавшие в Ростове, в Москве, в других городах страны, могут подтвердить: немало идей Михаила Константиновича было нам так или иначе известно. Его авторитет и влияние в философском сообществе были огромными. И поэтому те исследователи западной социологии науки, о которых говорится в книге, как правило, являются прямо или косвенно, учениками или заинтересованными коллегами этого нашего выдающегося современника.

Теперь хочу более конкретно напомнить о том, что во второй половине 70-х гг. в нашей стране появился целый *массив работ о западной социологии науки*, носивших характер тщательных, оснащенных материалом критических научных исследований. Среди этих работ необходимо отметить⁸ следующее:

⁸В дальнейшем я по существу опираюсь на ранее упомянутую книгу, которую считаю лучшей и по сю пору отечественной работой на рассматриваемую тему – это «Современная западная социология науки. Критический анализ». – М., 1988.

- Книги, статьи, диссертации **Е.З. Мирской**, давшей систематический анализ социологии науки, инициированной Р. Мертоном и продолженной его учениками, учениками учеников (это Б. Барбер, Д. Крейн, С. Коул, Дж. Коул, Н. Сторер, Х. Цукерманн и др.). Первые публикации Е.З. Мирской на эти темы появились во второй половине 70-х гг.; более обстоятельные и систематические разработки были созданы ею в 80-х гг. В данной области Е.З. Мирская продолжает работать до сих пор, в последние годы осуществив ряд конкретных исследований, касающихся ситуации в отечественной науке;

- публикации **Э.М. Мирского**, осмыслившего эволюцию мертоновских парадигм в 60-х и 70-х гг. XX в. (кроме упомянутых ранее авторов – Н. Маллинз, вместе с Д. Крейн, У. Хэгстром и др.);

- совершенно исключительный вклад в информирование о так называемой количественной социологии науки и в ее разработку внес **С.Д. Хайтун**. В его исследованиях было показано, как разработки по социологии науки, у ее «классиков», почти не имевшие вкраплений количественного анализа, постепенно к нему приобщились, дав толчок если не объединению, то пересечению социологии науки с наукометрией. Охват материала в исследованиях Хайтуна просто поражает воображение.

- То же самое можно сказать о поразительных по охвату западного материала работах **А.А. Игнатьева**, посвященных проблеме «полевых», т.е. эмпирико-социологических наблюдений над исследовательским трудом.

Таким образом, в рассматриваемой здесь области отечественных исследований как бы образовались два полюса.

На одном сконцентрировались исследования, подобные только что названным работам С.Д. Хайтуна и А.А. Игнатьева; по отношению к ним социология науки была концептуальным полем более общего теоретико-методологического характера, откуда шли линии, стимулы ко все более конкретным и специальным разработкам (вплоть, например, до бурно развившихся в тот же период библиометрических исследований – анализа цитирования и т.д.; в нашей стране освещение этой исследовательской деятельности достаточно рано, т.е. еще в первой половине 70-х гг. осуществляла **И.В. Маршакова**). В последние годы, после десятилетий забвения, стали вспоминать о достаточно солидных и содержательных традициях отечественных исследований советского времени – в сферах науки о науке, или в науковедении, в истории науки, социологии науки, наукометрии. Дилетантские, по смыслу и содержанию оторванные от этих областей исследования науки и их предостережений, но снимавшие с них чисто количественные «вершки» чиновные распоряжения (об учете цитирования, индекса Хирша и т.д.) заставили ученых и специалистов снова обратить взгляд к истории,

к современным достижениям и «качественной» социологии науки, ее традициям, в том числе отечественным⁸.

На другом полюсе расположились работы, которые в большей степени примыкали к философии, к истории мысли и выводили — через использование опыта и достижений социологии науки — к таким коренным вопросам, как социальная природа познания, в частности и особенности научного. Говоря теперь о втором полюсе исследований, позволю себе упомянуть о своих собственных работах. В моей книге 1976 г. «Наука и ученые в условиях современного капитализма» соединились, по крайней мере, **три главных тематических блока**.

✓ Один примыкал к темам, в те годы уже весьма популярным в нашей стране, но особенно, конечно, за рубежом — прежде всего, в США. Речь шла об области, получившей название «science policy»⁹ — о политике в отношении науки и охватывавшей сложнейшую систему отношений между наукой и государством. Такая политика существовала и в нашей стране в советское время (иначе науку не удалось бы включить в процесс создания новейших систем вооружения, не удалось бы первыми запустить спутник и послать человека в космос).

Интерес к США в данном случае был особым. С одной стороны, эта страна достигла весьма высоких научных результатов — и не только в деле создания систем современного оружия, но и в обеспечении завидно работавшего, неплохо функционирующего и сегодня механизма движения от научных идей к конкретным техническим разработкам. С другой стороны, в те же послевоенные годы сложилось глубоко критическое отношение американских ученых (и ученых других стран) к свойственным капитализму стимулам, механизмам, социальным опосредованиям научно-исследовательской деятельности. Этот критический западный материал был широко представлен в моей книге. Тогда, быть может, казалось, что он относится лишь к США и другим странам капитализма. Кто же в те годы мог подумать, что и ученым, научным учреждениям России на рубеже XX и XXI вв., а потом и в XXI в. придется испытать на себе — притом в самой уродливой форме — последствия воздействия капитализма, его «рыночных» механизмов на науку и культуру!

✓ Второй проблемный блок моей книги — это как раз обращение к западной социологии науки, к социологическим исследованиям научных коммуникаций, к отдельным «полевым» наблюдениям, осуществленным американскими социологами. В книге я обобщила ранее начатые исследования социологии науки Р. Мертона.

Обстоятельной работе над нею мне помогло личное знакомство с этим выдающимся социологом. Это произошло в 1973 г. во время Социологического конгресса в Болгарии. Знакомство состоялось благодаря моему мужу, Ю.А. Замошкину, ранее стажировавшемуся в Колумбийском университете у Т. Парсонса, Р. Мертона, П. Соро-

кина. Узнав о моем интересе к социологии науки, Р. Мертон послал мне свои книги и оттиски статей – некоторые с дорожными для меня дарственными надписями.

В книге, вышедшей в 1976 г.¹⁰, но написанной двумя годами ранее, я предложила одно из первых в нашей литературе исследование и знаменитых норм науки Мертона, и последующих мертоновских коррекций первых концептуальных схем, и знаменитую концепцию амбивалентности Р. Мертона. В первых своих работах Е.З. Мирская, Э.М. Мирский и другие исследователи ссылались на эти мои более ранние разработки.

Через несколько лет мне удалось разработать собственную концепцию норм науки, в двух отношениях генетически связанной с работами Р. Мертона. Во-первых, и меня, как ранее Мертона, привлекла возможность доказать (и более развернуто исследовать проблему): на заре Нового времени выдающиеся ученые и философы должны были так или иначе зафиксировать – конечно, на своем, философском языке – нормативные требования, предъявляемые к деятельности ученых и к их сообществам. Во-вторых, я исследовала нормы науки в их взаимосвязанных, но различающихся ипостасях: а) поскольку они регулируют сам процесс научного познания, деятельность ученых с объектами исследовательского поиска (когнитивные нормы); б) поскольку они организуют деятельность ученых в рамках институтов науки, научных сообществ (институциональные нормы)¹¹.

✓ Третий проблемный блок в моей книге «Наука и ученые...» – это концепция социальной природы познания вообще, научного познания в частности и особенности, различные аспекты которой я разрабатываю и далее, по сути, на протяжении всей своей творческой жизни, и обязательно с привлечением опыта социологии познания и науки. Свидетельством чему является новая книга – «Отечественная философия...», раздел II, глава III; раздел III, главы III, IV, V. Как было сказано, в связи с поистине губительными перекосами «science policy» последних лет – и во всем мире, и особенно в России – пришлось обратиться и к наукометрическим разработкам, относящимся к проблемам эффективности науки и ученых, и к более фундаментальным проблемам эффективности науки, связям между современной наукой и современным развитием цивилизации. Над этими темами работаю и в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50 – 80-х годов XX века и западная мысль. – М.: Академический проект, 2012.

² Там же. С. 183 – 185.

³ Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. – М.: Наука, 1979.

⁴ Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. – Cambr., Mass. and London, 1998; русский перевод: Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск, 2002.

⁵ Например: Барбер Б. Социология науки / Социология сегодня. М., 1965; Махлун Ф. Производство и распространение знаний в США. – М., 1966.

⁶ Волков Г.Н. Социология науки. – М., 1968.

⁷ Социологические проблемы науки / под ред. В.Ж. Келле, С.Р. Микулинского. – М.: Наука, 1974.

⁸ Поскольку в контексте данного очерка нет возможности развивать эту тему подробнее, могу отослать читателей к моим и моих коллег исследованиям, собранным в книге «Измерения философии» (М.: ИФ РАН, 2012).

⁹ Перевод «science policy» словами «научная политика» принципиально неверен, ибо политика (государства) в отношении науки может быть не только ненаучной, но, увы, и антинаучной...

¹⁰ См.: Мотрошилова Н.В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. – М., 1976.

¹¹ См.: Мотрошилова Н.В. Нормы науки и ориентации ученого // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск, 1981. Для меня было и остается очень важным то обстоятельство, что результаты поиска в данном направлении были опубликованы в начале 80-х гг. в этой книге, вышедшей в Минске под редакцией В.С. Степина, и что он впоследствии неизменно ссылается на это мое исследование.